

ПОЛУНОЩНЫЙ СВЕТ

*Источник: Зиновьева-Аннибал Л. Д. Тридцать три урожая. Роман, рассказы, эссе, пьесы. - М.: Аграф, 1999. Текст издания: Г. Чулков. Рассказы. Книга вторая. СПб., 1910.
OCR: В. Есаулов, ноябрь 2008 г.*

I

Воронье траурной стаей поднялось с берез, громко каркая. Закружились, падая, ржавые листья. Пели певчие, глаза по сторонам.

-- Вечная память.

Ставили крест на новую могилу.

Елена прочла надпись: "И мертвые восстанут..."

Припала к могиле, к милой слепой земле; положила белые хризантемы.

"Угасла жизнь, -- думала, -- а все так спокойно, так тихо, так непонятно. И радостная печаль во всем -- и в листопаде этом, и в небе сентябрьском. Ах, жить хочу... Любить хочу. Пусть предсмертно, пусть".

-- Елена, пойдем, -- сказал отец.

И они пошли по деревянным мосткам мимо могил, мимо крестов, памятников, мимо забытых и незабвенных.

Жадно Елена читала иные надписи:

"Любовь сильнее смерти",

"Нет, ты не умер: ты спишь".

Ладаном пахло и осенними розами. И не верилось, что больно кому-то сейчас, что душил кого-то смерть. Прекрасна была осень в тихой любви своей.

Села Елена с отцом в извозчичью карету.

Он положил свою большую волосатую руку на ее тонкие пальцы и сказал тихо:

-- Смерти не надо бояться, Елена. "Совершенная любовь изгоняет страх".

Елена закрыла глаза; не отнимала руки своей; слушала полудоверчиво.

-- Тебе уже исполнилось восемнадцать лет, -- продолжал отец, -- но я худо тебя знаю. Я сам, конечно, виноват после смерти мамы я почти не видел тебя. Но, милая Елена, будь ко мне снисходительна и помоги мне раз мы теперь будем жить вместе, надо получше узнать друг друга. Не правда ли?

-- Да, да, -- сказала Елена, -- надо получше узнать друг друга. И я, право, отец, люблю тебя...

Хорошо, Елена, хорошо. Я верю тебе. Но вот что я хочу. Твоя покойная тетя была добрым и приятным человеком, но одного я никогда не мог понять в ней: ее отношения к Богу, к Церкви... Она не любила говорить на эти темы и, кажется, боялась думать об этом. Я не вмешивался в твоё воспитание, Елена, и теперь, конечно, я не имею права посягать на твою свободу. Но, как друг твой, хотел бы знать, разделяешь ли ты ее настроение. Думаешь ли ты о Боге?

-- Думаю, отец. Но у меня нет веры. И кажется мне, что нет спасения, что все мы заблудились в лабиринте. И темно вокруг. И выхода нет.

-- Ты ошибаешься, Елена. Есть выход

Елена широко открыла глаза и пристально посмотрела на отца. Что-то необыкновенное почудилось ей в лице его.

"Он знает что-то", -- подумала она.

Ей стало жутко от близости этого старика, родного и непонятного. Она отняла у него свою руку. И он замолчал. Тихо сидел в своем углу, поблескивая глазами.

Звонили московские колокола ко всенощной. И Елена представила себе, как идут вереницей чуждые ей люди к этим древним алтарям. Кому-то молятся эти люди. Во что-то верят. А город опутан телефонной проволокой; вокруг кипит жестокая и злая борьба за жизнь; торопливо бегут трамваи... И как-то странно, что среди суеты еще крепко стоят алтари эти.

Вот и Николаевский вокзал.

Степан и Марфуша дожидаются с вещами. Степан, как всегда, важен и почему-то говорит отцу "Ваше превосходительство".

Марфуша припала к плечу Елены и плачет. Пахнет от Марфуши новым ситцем и баней. Елена